

Муз. обозрение —
1994 — № 88 (111) — с. 14
**Наум Григорьевич
ЛАТИНСКИЙ**

Нет больше Ньюмочки, старого доброго друга, общение с которым доставляло такую радость. Уверен, что то же самое могли бы сказать многие коллеги и друзья, которыми он был так богат. С ним было удивительно легко. Ньюмочка был замечательно талантливым,

добрым, веселым и светлым человеком.

Из глубины далеких десятилетий всплывают какие-то ситуации, встречи, разговоры, рассказы самого Наума, постепенно проступает как бы хронологический пунктир его жизни, по-своему феноменальной и драматичной.

Родился в Красноярске в 1923 году в музыкальной семье: мать — бывшая певица Мариинского театра. Музыкальные способности и тяга к скрипке проявились с четырех лет. В начале 30-х годов переезд в Москву — принят в группу особо одаренных детей (будущая десятилетка при консерватории). 1941 год — война, Наум идет добровольцем в армию. Год проводит в танковом училище в Кунгуре. Контузия во время учений, и его комиссуют, как негодного к дальнейшей службе. С этого времени — три года фронтовых бригад. Тысячи выступлений в самых разных, подчас немислимых условиях фронтовой полосы. Поощрения, благодарности, награды командования. Лишь после войны Наум возвращается к занятиям, поступает в Гнесинский институт к А.И. Ямпольскому и заканчивает у него учебу.

И вновь гастрольная деятельность: сначала в концертных бригадах, затем — сольные концерты. Гастроль-бюро, ВГКО, Москонцерт — по этой цепочке концертных организаций он прошел до последнего дня с честью и достоинством подлинного артиста. Вспоминаю очередную аттестацию в середине 70-х годов, ситуацию очень нервную для многих артистов, не слишком уверенных в своих силах. Наум спокойно и скромно показал сорок сольных программ, сыгранных им за прошлые годы. Думаю, с тех пор он сделал не меньше.

Наум играл на скрипке нашего мастера Дениса Ярового. Инструмент звучал у него теплее и ярче иных "итальянцев" в руках многих именитых скрипачей! У Наума была своя публика и в Москве, и в других городах — обожавшая его и неизменно посещавшая все его концерты — мечта всякого артиста.

Наум обладал яркой и своеобразной индивидуальностью, "лица необщим выраженьем". Его необыкновенные звук и фраза, теплота и абсолютная искренность, романтическая горячность и смелость интонирования, идущая от старых мастеров, никого не оставляли равнодушными и особенно покоряли в его любимых миниатюрах Крейсlera, Венявского, Сарасате.

Удивительно то, что обаяние его артистизма редким образом сливалось с обаянием личности. Милый, удивительно добрый и сердечный человек, готовый в любой момент прийти на помощь, сделать для своих близких и друзей все, что в его силах. Где бы он ни появлялся — на сцене или в доме — все озарялось светом и радостью. Он нес их людям своим искусством и своей жизнью. В глубине души он ощущал эту свою миссию как нечто предназначенное ему свыше. А ведь это — божественный дар, данный очень немногим...

Не хочу омрачать воспоминаний фактами несправедливого отношения к нему, его мытарств и трудностей. Человек редкой скромности, он получал от нашей доброй и справедливой страны все по крайней мере на четверть века позже, чем должен был получить. Он вынужден был постоянно мотаться в Петрозаводск, где вел в консерватории класс скрипки, что было при его слабом здоровье очень трудно. Ему не могли дать должность профессора, так как у него не было почетного звания. Наконец, на семьдесят первом году довелось испытать горькую радость: ему присвоили звание заслуженного артиста России, а затем и профессора. Через несколько месяцев он умер.

Это случилось 21 октября.

Алексей СКАВРОНСКИЙ